

**СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ГЛОБАЛЬНОЙ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ЛОВУШКИ КОММУНИКАЦИЙ***Д.А. Графимович*

У выдающегося американского математика и философа, основоположника кибернетики Норберта Винера есть выражение: «Люди, избравшие своей карьерой информацию, часто не располагают ничем, что они могли бы сообщить другим». С этим доводом с большей или меньшей долей скептицизма можно не соглашаться, ведь мы банально свыклились с мыслью о том, что живём в постиндустриальную эпоху информационного общества. Казалось бы, показатели тотальной информатизации и компьютеризации современной цивилизации стали примером и предметом особой гордости современного человека и общества. Но, несмотря на глубину и масштаб изменений, порождаемых информационной революцией, ряд вопросов практического характера заставляют нас задуматься над содержательной стороной и последствиями этих процессов. В частности вопрос о действенных критериях общества знаний, ведь качественное усложнение мира и неограниченное разнообразие коммуникаций сами по себе ещё не являются залогом существования в реальности такого общества. Наоборот, наблюдения и анализ за современными событиями и противоречивыми процессами вынуждают многих экспертов прибегнуть к терминам «интеллектуальный фантом» и «несбыточность ожиданий» в характеристике природы постиндустриального (информационного) общества. Наконец вопрос о том в пользу чего сделан судьбоносный выбор – закономерной и поступательной стадии социальной эволюции (ментальной эволюции) или сознательной «мутации» технологий с целью извлечения сиюминутной коммерческой выгоды в выстраивании так называемой «новой экономики» и задачами управления миром современной глобократией, неприкрыто использующей в своих интересах информационно-психологическое оружие?

Введение

Корни информационной революции уходят в научно-техническую революцию середины 50-х годов прошлого столетия. Последняя была вызвана прорывом разработанных в ходе Второй мировой и в начале «холодной» войн новых технологических принципов, внедряемых в «гражданское» производство. В общем и целом обобщая существующие подходы к трактовке понятия «информационное общество», можно утверждать, что в настоящее время под таковым понимается общество нового типа, формирующееся в результате новой глобальной социальной революции, порожденной взрывным развитием и соединением информационных и коммуникационных технологий. Их бурная экспансия, начавшаяся в середине 70-х годов XX века и продолжающаяся по сей день, стала радикально изменять структуру общественного производства. Информация и знания были объявлены важнейшими факторами развития передовых стран. Стали утверждать, что теперь не избыток или недостаток сырьевых ресурсов, труда или капитала, а качество доступной людям информации определяет успех или неудачу предприятия. Скорость развертывания «информационной революции» в последние десятилетия впечатляет.

Основные положения

Доходчиво и кратко формулирует суть современной информационной эпохи российский экономист и политолог, директор «Института проблем глобализации» Михаил Делягин: «С узкопрактической точки зрения информационная революция сводится к достаточно простым и понятным явлениям: кардинальному упрощению коммуникаций, качественному повышению их интенсивности и разнообразия» [1, С. 182-183]. И с этим невозможно не согласиться. Однако вызванный ими и продолжающийся по сей день «информационный взрыв» резко контрастирует со средствами переработки и тем более восприятия информации. Сформированные в прошлую эпоху качественно меньшего объема информации и качественно более медленного его нарастания, они претерпели с тех пор лишь незначительные, не принципиальные изменения.

Мы должны понимать, что если признавать основой информационной революции взрывное развитие информационных технологий, то приходится констатировать, что сами по себе данные технологии – это всего лишь инструмент, и их применение зависит от ценностных установок тех, кто их использует. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что информационные технологии создают новое общество, названное по имени этих технологий. Например, в начале 50-х годов XX века была большая эйфория по поводу перспектив использования атомной энергии. Но при этом никому в голову не пришла мысль в момент атомного бума объявить о построении атомного общества.

Фундаментальным следствием информационной революции является возникновение и обострение противоречия между нарастающей важностью упорядочивания информации и принципиальной, технологической ограниченностью возможностей этого упорядочивания. Частным проявлением этого противоречия представляется то, что информационные технологии увеличивают разнообразие воспринимаемой каждым из нас части мира чрезмерно по сравнению с накопленным нами жизненным опытом.

Кроме того, сам рост объема информации еще ничего не значит. Если и говорить об информации, то имеет смысл рассуждать не просто об информации, а непосредственно о ценной информации. А растет ли она – это совсем не очевидно! Скорее, растет количество бессмысленной информации, производимой на псевдоинтеллектуальных конвейерах, типа современных СМИ, «коммерческих издательствах» и т.д. Это приводит к существенным негативным трансформациям духовного мира человека и целым «выброшенным» поколениям («поколение пепси», «поколение next» и т.п.). Обнаруживается даже определенная закономерность: чем больше информации дается человеку, тем менее он начинает понимать, что реально происходит, то есть информации становится больше, а смысла все меньше. Ярким примером этой ситуации является очевидная архаизация национальных языков (в том числе русского) в угоду искусственно создаваемого глобального языка-эсперанто (примитивизированной версии английского языка), огромное

количество слов и названий не несущих в себе никакой смысловой нагрузки [2, С. 348-349].

Подобным образом всемирная сеть Интернет сегодня заполнена колоссальным объемом данных, но найти в ней ценную информацию проблематично. Согласно второму началу термодинамики так и должно быть: создание порядка связано с таким хаосом, что система в итоге в нем просто тонет.

Это же касается и программирования: сложности программ начинают явно превышать способности программистов. Сегодня многие страны внедряют информационные технологии, а в итоге число служащих в промышленно развитых странах за последние десятилетия выросло в 5 и более раз. Или ещё пример. Информационные технологии – это преимущественно безбумажные технологии делопроизводства. Так по факту на 2000 год в мире работало более 100 млн. принтеров. На них было отпечатано 3 трлн. листов бумаги. В 2008 году количество принтеров в мире существенно не увеличилось (идёт в основном процесс смены поколений оргтехники), но на них было выдано на печать уже 8 трлн. листов [3, С. 468].

Так или иначе, масштабы восприятия начинают устойчиво превышать возможности осознания, в результате чего традиционные способы осознания окружающего мира, и, прежде всего, логическое мышление начинают давать систематические сбои.

Наиболее распространенным следствием расширения кругозора за пределы, доступные здравому смыслу, становится фрагментарность анализа: по классической поговорке физиков, «перестав видеть за деревьями лес, ученые решают проблему переходом к изучению отдельных листьев». Беда в том, что при этом они продолжают уверенно делать выводы о лесе в целом. Отсутствие системного, панорамного взгляда на мир – «ахиллесова пята» теоретического сознания и практических действий современного человека. Клиповый человек с клиповым мышлением стал во главе жизненных процессов.

Рассматривая отдельные логические цепочки, жертвы фрагментарного подхода не обращают внимания на их соотнесение друг с другом и с окружающей действительностью. С формальной точки зрения их построения, взятые сами по себе, безусловно логичны, однако в тех случаях, когда они с самого начала не «ухватили суть» рассматриваемого явления, а сосредоточились на изучении его второстепенных черт, несущественность исходных фактов делает весь анализ не только несущественным, но и неверным.

В этой связи особой оценки заслуживает важный постулат теории информационного общества о том, что сплошная информатизация экономики и производства якобы делает труд человека действительно творческим, что в свою очередь коренным образом преобразует само общество. Однако изменился ли существенно труд человека, сидящего не у конвейера, а за компьютером, т.е. стал ли он намного более творческим? Очевидно, что любой компьютерный оператор, работающий в банке, магазине или офисе, занимается на самом деле рутинной работой, набирая многозначные числа, печатая

привычный текст и нажимая на кнопки и клавиши. Такой труд требует элементарного внимания, но минимума интеллектуальных усилий. Понятно, что подлинно творческим трудом занимаются за компьютером лишь те, кто обладает творческими наклонностями независимо от применяемых ими вспомогательных средств, будь то деревянные счеты или современные ЭВМ. Прочие люди при этом не становятся автоматически более склонными к творчеству. «Поэтому, - делает вывод В.В.Карпинский, - для того чтобы считать тотальную информатизацию и компьютеризацию средством превращения человеческого труда в подлинно творческий, нет достаточно серьезных оснований» [3, С. 469].

Другой все более распространенной стандартной ошибкой, родственной описанной, является забвение количественных критериев и сосредоточение исключительно на качественном анализе.

Реальная жизнь напоминает химическую реакцию тем, что в ней очень часто одновременно происходят не просто разно-, но и противоположно направленные процессы, и лишь количественный анализ способен показать, какая из формально логичных реакций доминирует на самом деле. Ограничиваясь в силу лени, нехватки достоверных данных или неумения их интерпретировать только качественным анализом, аналитик добровольно лишает себя критерия истины.

Расширение восприятия за пределы возможного осмысления вызывает естественную компенсаторную реакцию, заключающуюся, с одной стороны, в придании гипертрофированного значения всякого рода авторитетным мнениям, а с другой - в растущей склонности к внелогическим интуитивным решениям, «озарениям». Чрезмерно полагающийся на «экспертное сообщество» и перекладывающий на него бремя своих решений превращается в еще одно живое (а при серьезных проблемах – иногда и мертвое) подтверждение правильности библейской заповеди о недопустимости сотворения кумира. «Ни мраморного, ни железного», ни, добавим с высоты накопленного за две тысячи лет опыта, экспертного.

Однако упование на сторонних авторитетов является, как было отмечено, лишь одной из основных компенсаторных реакций на утрату человеческим сознанием способности перерабатывать возрастающий поток информации.

Другая компенсаторная реакция - отказ от логики в пользу интуиции. Это стихийный, но в целом верный ответ организма (не важно, индивидуума, организации или человеческого общества) на качественное снижение под ударами информационной революции эффективности логического инструмента познания.

Болезненность неразрешаемого на сегодняшнем уровне развития противоречия между ростом объема коммуникаций и ограниченностью способностей их упорядочивания усугубляется тем, что, как это часто бывает, средство подменяет собой цель. Происходит своего рода «затягивание в коммуникации», когда коммуникация осуществляется сама ради себя, а не ради достижения некоего реального результата, – процесс, бесплодность которого его участники пытаются компенсировать нарастанием его интенсивности.

Наиболее важным становится узнать новость первым и распространить ее дальше безотносительно к тому, верна ли она или нет, разрушительна или созидательна. Коммуникация сама по себе становится таким же категорическим императивом информационного мира, каким была - и в основном еще остается - прибыль для традиционного мира.

В соответствии с теорией информации, в конкурентной борьбе побеждает тот, кто первым реализовал информацию, а не тот, кто первым получил ее. При этом в результате растущего влияния ожиданий значение адекватности передаваемой информации снижается. Быстро распространив сомнительную или даже заведомо ложную информацию, вы успеете первым отреагировать на нее и зафиксировать свою выгоду до того, как выяснится правильность или ошибочность сообщенной вами информации. Абсолютизация коммуникативных мотиваций, являясь естественным следствием информационной революции, приносит победу действующему, а не знающему, сплетнику (в том числе бездумному), а не исследователю. В частности, поэтому вопиющая ограниченность, а зачастую и откровенная безграмотность целого ряда «экспертов», - например, фондовых аналитиков или политологов, - не должна восприниматься как некий парадокс или вызов здравому смыслу. Ведь они «являются специалистами в первую очередь в «информационном», а не физическом мире, в среде ожиданий, а не в реальности, в области коммуникации, а не познания» [1, С. 189].

Таким образом, первым практическим следствием информационной революции для общественной жизни, своего рода первой «ловушкой неограниченных коммуникаций» является снижение практической важности познания за счет роста практического значения коммуникаций.

Вторая «ловушка коммуникаций» заключается в том, что абсолютизация коммуникационных мотиваций в сочетании с распространением дешевых и эффективных технологий формирования сознания (в частности, возможности формирования информационного поля) делает ненужным искусство убеждать. Действительно: зачем логически доказывать свою правоту, затрудняя себя подбором аргументов и противостоя аргументации оппонента, когда можно просто создать вокруг него информационную среду, в которой вся (или почти вся) доступная ему информация будет однозначно свидетельствовать в вашу пользу? Грубо говоря, зачем объяснять, когда можно зомбировать? Следствие этого – снижение и даже утрата самой возможности критического осмысления. Для субъекта информационного воздействия сомнение в правоте своих интересов контрпродуктивно. Для объекта же информационного воздействия критическое осмысление навязываемой ему парадигмы, идеи или ценности становится практически недоступным. И все это происходит в условиях, когда информационное воздействие (формирование сознания) носит эшелонированный и всеобщий характер.

Все это укладывается в стратегию и принципы ведения современных информационных войн. В условиях глобальной конкуренции за ресурсы, территории, финансовое могущество главными целями информационных войн являются разрушение сознания и самосознания народов, их смысложизненных

ценностей, идеалов и ориентиров. Современные глобалистские структуры, созданные олигархическим интернационалом и стремящиеся на практике реализовать идеи «нового мирового порядка», ищут самые уязвимые места и зоны, воздействие на которые способно подорвать устойчивость в развитии народов и целых государств, выступающих препятствием на пути установления глобальной власти. В решении этой задачи особое значение придается СМИ и сфере образования. И если раньше обходились исключительно силовыми методами, то сегодня технические средства коммуникаций и глобализация рынков информации и культурной продукции упрощают эту задачу. В итоге у населения, с одной стороны, формируются определенные культурно-материальные потребности, с другой, - предпочтения социально-политического характера. Отсюда понятно, почему в информационном поле наблюдается жесткое доминирование социально-экономической, культурной и политической модели Запада над всеми прочими вариантами общественных отношений.

Эта психологическая особенность воздействия на исторический процесс хорошо была понята в США еще полвека назад. Вскоре после Второй мировой войны США сосредоточили у себя две трети специалистов антропологов-обществоведов от их общего на тот момент количества во всем мире. Был собран колоссальный объем знаний о духовной сфере человека самых разных культур. На основе новых представлений и массива эмпирических данных были созданы поразительные по эффективности технологии управления поведением больших масс людей. В современных западных странах, прежде всего в США, действует немало «аналитических институтов», «гуманитарных фондов» и т.д., направленных на идеологическое программирование сознания элит стран мировой периферии с целью установления «нового мирового порядка». Иначе говоря, было создано мощное информационно-смысловое сверхоружие, т.е. оружие, воздействующее на сознание людей. В США сформирована и действует целая киберармия высококлассных специалистов в этой области. Без этой армии сегодня не обходится ни одна «цветная» революция, ни один государственный переворот [4, С. 10].

Вообще сегодня мир вступил в неклассическую эпоху войн нового поколения – войн с использованием психосмыслового, акультурно-психологического, информационного и других подобного рода оружия, воздействующих на сознание людей. А это означает, что мировоззрение, ценностные установки, предпочтения и ожидания людей превращаются в эпицентр, главную арену конкурентной борьбы между транснациональными корпорациями, социальными группами, народами и государствами.

Заключение

Конечно, невозможно отгородиться от опасностей и проблем информационной эпохи. Необходима разработка эффективных методов противодействия этим опасностям и развитие собственного полноценного участия в формировании конкурентного, хоть и противоречивого мирового информационного пространства. А тот бесспорный факт, что в современную эпоху знания, лежащие в основе научных исследований, изобретений и опытно-

конструкторских разработок, играют все большую роль и во многом определяют содержание и темпы научно-технического прогресса, не дает достаточных оснований для соответствующего переименования общества в «общество знаний», а его экономики в «экономику знаний».

Список литературы

1. Делягин, М.Г. Место информационной революции в эволюции человека / М.Г. Делягин // Постчеловечество / М.Б. Ходорковский [и др.]; науч. ред. М.Б.Ходорковский. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 146-232.
2. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С.Панарин. - М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
3. Карпинский, В.В. Постиндустриальная парадигма и стратегия инновационного развития Республики Беларусь / В.В. Карпинский // Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: монография / Ч.С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч.С.Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.
4. Кирвель, Ч.С. Геополитическое и социокультурное измерения современного обществознания и социогуманитарного образования (вместо введения) / Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания / Ч.С. Кирвель [и др.]; под науч. Ред. Ч.С.Кирвеля. – Гродно: ГрГУ, 2015. – 462 с.

Трафимович Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель кафедры философии Объединения кафедр социогуманитарных наук Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, trafimovich@mail.ru